

Формы и мотивы богохульства в церковных рассказах про наказание грешников смертью (по материалам православной публицистики конца XIX — начала XX вв.)

Анна Андреевна Бушуева

Курганский государственный университет, Курган, Россия
Контакт для переписки: anna_b2022@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям отображения богохульных действий в опубликованных в официальных церковных периодических изданиях конца XIX — начала XX в. рассказах о «неестественной», внезапной, мучительной смерти грешников. Автором охарактеризована жанровая специфика текстов, которые возникли в результате взаимодействия народных и пастырских религиозных представлений на грани между фольклором, церковной публицистикой и развлекательно-новостной заметкой; также поставлен вопрос о том, в каких отношениях — между конфликтом и согласием — пребывают разнородные функции и смыслы этих рассказов. Было определено, какие виды богохульных деяний в границах жанровой логики подлежали божественной каре и кого осуждали на «чудесную» смерть (пол, возраст, социальное происхождение, национальность, религиозный статус). На основании обозначенного в источниках мотива преступления предложена их классификация. К первой категории отнесены рассказы про неуважение к святыням и церковной обрядности, проявленное в бытовом контексте, часто без злого умысла, по легкомыслию, усугубляемому опьянением: оскорбление икон, священника, нарушение поста или праздничного отдыха, кража церковного имущества и пр. Во вторую категорию вошли публичные атеистические выступления, словесные (проповедь небытия Бога) или физические (стрельба в иконы). В третью — старообрядческая критика православного церковного учения и его святынь. В четвертую — истории «предательства» Бога и церкви, отступления от служения в угоду земному благосостоянию, корысти. Общее для всех категорий — открыто и бесстрашно выраженное перед многочисленными свидетелями

сомнение в могуществе Бога. Смертью богохульника, завершающей каждый подобный сюжет, Бог опровергает сомнение в его способности совершить немедленное возмездие, земной суд. В целом богохульство можно прочесть как обыденное действие человека, существовавшего за границами строгих представлений духовенства о сакральном и неприкосновенном, или как сознательный протест против божественного и/или связанной с ним социальной структуры, форму эмансипации.

Ключевые слова: история повседневности, танатология, история смерти, русская православная церковь, епархиальные ведомости, церковная публицистика, богохульство, кара Божья

Цитирование: Бушуева А. А. 2024. Формы и мотивы богохульства в церковных рассказах про наказание грешников смертью (по материалам православной публицистики конца XIX — начала XX в.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 120–139. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-120-139>

Поступила 18.03.2024; одобрена 21.11.2024; принята 02.12.2024

Forms and motives of blasphemy in church stories about “miraculous” deaths: Orthodox publications of the late 19th–early 20th c.

Anna A. Bushuyeva

Kurgan State University, Kurgan, Russia
Corresponding author: anna_b2022@mail.ru

Abstract. This article explains the genre specificity of texts that arose as a result of priests' and laity's religious ideas interaction which lies on the border between folklore, church journalism, and publicist articles in late 19th–early 20th c. media. The author analyses the relationships, ranging from conflict to agreement, which constitute the diverse functions and meanings of these texts. The results have revealed what the types of blasphemous acts within the boundaries of genre logic subject to divine punishment and who was condemned to a “miraculous” death (their gender, age, social origin, nationality, and religious status). Based on the motive for the crime indicated in the sources, their classification is proposed. The first category includes stories about disrespect for shrines and church rituals, manifested in an everyday context, often without malicious intent, due to frivolity, aggravated by intoxication: e. g., defamation of icons, priests, violation of fasts or holidays, theft of church property. The second category includes public atheistic performances, whether verbal

(preaching the non-existence of God) or physical (shooting at icons). The third category includes Old Believer criticism of Orthodox church teaching and its shrines. The fourth category includes stories of “betrayal” of God and the church, retreat from service for the sake of earthly well-being and self-interest. All categories share doubt in God’s power, openly and fearlessly expressed in front of numerous witnesses. With the “unnatural”, sudden, and painful death of blasphemers in the end of each story, God refutes doubts in his ability to carry out immediate retribution and earthly judgment. In general, blasphemy can be read as an ordinary action of a person who existed outside the boundaries of the strict ideas of the clergy about the sacred and inviolable, or as a conscious protest against the divine and/or the social structure associated with it, a form of emancipation.

Keywords: everyday life history, thanatology, death history, Russian Orthodox Church, diocesan reports, church journalism, blasphemy, divine punishment

Citation: Bushuyeva, A. A. (2024). Forms and motives of blasphemy in church stories about “miraculous” deaths: Orthodox publications of the late 19th–early 20th c. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 120–139. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-120-139>

Received March 23, 2024; Reviewed Nov. 21, 2024; Accepted Dec. 12, 2024

Введение

Перспективным направлением исторических исследований сегодня является такое ответвление истории повседневности, как история смерти, а именно — история представлений об умирании как процессе и о смерти как финале жизненного пути (или пороге перехода к иным формам бытия). Особый интерес вызывают модели восприятия смерти в картине мира православного духовенства, нашедшие отражение на страницах церковной периодики конца XIX – начала XX в., в эпоху модернизации Российской империи. Рассмотренные в данной статье случаи богохульства из назидательных рассказов о Божьей каре грешников свидетельствуют о нарастающих столкновениях между религиозными идеалами и укрепляющимися секулярными нормами, а также о дрящемся разрыве между идеалами образованных священно-церковнослужителей и реальностью народного мировосприятия.

Обзор историографии и характеристика источников исследования

Феномен веры в божественную волю как причину смерти становился предметом исследования на основании разнообразных источниковых материалов в границах различных исторических периодов. Можно выделить четыре историографических блока, в которых встречается мотив смерти как формы божественной кары (ограничимся трудами, которые максимально близко подходят к теме нашего исследования и могут быть приложены к ее рассмотрению):

1. Исследования бытовавших в церковной культуре Древней Руси представлений о сверхъестественных причинах болезни и смерти: работы М. А. Смержевских-Смирновой [2001] (анализировала описания смерти в памятниках древнерусской литературы), А. С. Малаховой и С. Н. Малахова [2014] (связь болезни, смерти и божественной воли в сознании древнерусского человека), А. Н. Медведя [2017] (подтема болезни-наказания, заканчивающейся смертью), Н. А. Пелезневой [2022] (болезнь как форма коммуникации Бога и человека, в т. ч. предсмертный недуг, интерпретируемый либо как благословение, либо как наказание).

2. Исследования в области религиозных преступлений и предполагавшихся за них наказаний в среде православных крестьян во второй половине XIX – начале XX в.: Е. С. Бальжанова [2006], С. С. Крюкова [2010] и Д. А. Комаров [2011] оценили распространенность таких деяний и их мотивы, отношение к преступникам в их социальном окружении. Крюкова [2010, с. 211] отметила доминирующее в народной ментальности представление о Боге как грозном «мстителе», карающем грешников разорением, болезнью и/или скоропостижной смертью.

На материале XVIII в. тема религиозных преступлений была мастерски раскрыта Е. Б. Смилянкой [2003]. Она предложила возможные объяснения мотивов преступников, а также заметила, что в числе судимых «значительный процент составляли лица духовного сословия» [Смилянская, 2003, с. 329].

3. Изучение бытовавших в советский период рассказов о наказании за осквернение православных святынь на материале устных источников (фольклора) в том же жанре, что и взятые нами публикации из епархиальных ведомостей: например, Ю. Буйских [2014], Л. А. Юрчук, И. В. Казаков [2018] и Н. В. Дранникова [2020].

4. Особую ценность представляют труды, рассматривающие стилистические, композиционные, тематические особенности повествований о божественном наказании святотатцев. Так, С. А. Штырков [2001] выделил стандартные приемы организации подобных текстов, сочетающих в себе влияние устной народной и церковной нарративной традиций. Ю. М. Шеваренкова [2003] подготовила детальный разбор жанра «легенды-былички». А. П. Липатова [2010] изучила легенды о чудесном явлении икон, бытовавшие в народной среде в конце XIX – начале XX в., и отношение к ним со стороны церкви. О. С. Стрелковой [2011] выявлена жанровая специфика рассказов о чудесах в Курских епархиальных ведомостях, их идеологические задачи: несмотря на то, что Стрелкова специально не касалась такого ответвления жанра «чудесного», как истории о наказании смертью, многие ее выводы могут быть отнесены и к ним. И. Е. Иванова [2015] описала формальные черты и приемы организации текстов о чудесах Тверских епархиальных ведомостей (ее классификация этих текстов не включает рассказы о «чудесной» смерти, однако танатологическая тематика так или иначе присутствует в приводимых ею примерах чудесного исцеления, спасения от гибели и пр.).

Рассказы о наказании смертью за богохульство в церковной периодической печати позднеимперского периода предметом исторического исследования ранее не становились. Поэтому задачи данной статьи — проанализировать этот жанровый комплекс сюжетов и предложить их классификацию на основе заявленного в источнике мотива религиозного преступления (антицерковного выступления).

В ходе исследования была сформирована источниковая подборка из публикаций конца XIX – начала XX в., повествующих о «чудесной» — осознанной очевидцами и/или публицистами как божественное чудо, «кара Божья» — смерти богохульников: 27 статей¹ из 8 церковных периодических изданий (10 — из неофициального отдела Тобольских епархиальных ведомостей, 7 — из Рязанских, 3 — из Пермских, 2 — из Вятских, 2 (идентичные, в разных номерах) — из Вестника военного духовенства, и по одной — из Томских, Астраханских и Иркутских епархиальных ведомостей). Авторами и читателями этих изданий являлись главным образом священнослужители, преподаватели и учащиеся церковных образовательных учреждений, церковные этнографы и др.; предполагалось, что этот «профессиональный читатель», усвоив и переработав прочитанное, принесет его в народную среду как элемент проповеди.

За исключением нетипичных случаев, когда рассказы о «чудесной» смерти входят в состав некролога² или дневниковых (мемуарно-публицистических) записей священника³, они представляют собой самостоятельные жанрово специфичные статьи. Их важнейшей жанровой характеристикой является установка на достоверность: фиксация мест происшествия, времени и обстоятельств записи, имен умерших и пр., детализированный фон, прямая цитация [Стрелкова, 2011, с. 254–255; Иванова, 2015, с. 196]. Перед нами не стоит задача установления достоверности опубликованных фактов (при всей условности понятия «достоверность» применительно к историям о сверхъестественном): для нас важно то, что в основе этих произведений лежит вполне реальная вера в возможность чуда, прямого вмешательства Бога в жизнь человека. Подобные истории находились в «зоне возможного» церковной картины мира, что подтверждается публичными высказываниями разных чинов духовного сословия⁴, отражающими позицию «для человека верующего нет слепого случая»⁵.

Стрелкова [2011, с. 253–254] определила тексты этого жанра как генетически связанные с народной несказочной прозой и традициями древнерусской литературы произведения «устно-письменной традиции». Типологические параллели находим в фольклорных «легендах-быличках», выстроенных вокруг «сюжетной ситуации встре-

¹ В 27 публикациях содержится 29 разных сюжетов «чудесной смерти», охватывающих в совокупности 31 смерть (в одном сюжете может быть несколько умерших).

² «Корреспондент Вятских...» // Вятские епархиальные ведомости. 1895. № 17. С. 734–738.

³ Трофеев Вл., священник. К вопросу о борьбе с народным пьянством // Рязанские епархиальные ведомости. 1912. № 3. С. 101–108; Сюрприз за сюрпризом // Рязанские епархиальные ведомости. 1913. № 16. С. 623–628.

⁴ Ландышев Иоанн, священник. Смерть грешников люта // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 5. С. 29–31; Никон (арх.). Удушливые газы // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 43. С. 678–684; Молчанов Петр, священник. Никола Милостивый помог // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 2. С. 20–22; Феодосий (иер.). Записки миссионера // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 8. С. 132–134; Слово Высокопреосвященнейшего Варнавы // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 144–147.

⁵ Наказание Божье кошуннику // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9–10. С. 243–244.

чи реального человека с таинственной силой», в т. ч. «историях о наказании святыми, Богом, Богородицей людей за неуважение к себе и к церковным праздникам» [Шеваренкова, 2003, с. 52–53].

Источник функционирует на стыке разных жанров: автобиографии священника-автора (в части публикаций присутствует описание пастырской жизни автора, его реакции на события в приходе и пр.); религиозной проповеди о ненадлежащем поведении и неизбежном наказании (в этом случае подготовка текста к публикации — элемент служебной деятельности духовенства); народной сказочной прозы (действие большинства историй происходит в деревенском пространстве и изложено с опорой на устные рассказы крестьян-очевидцев).

Хотя в их основе лежали рассказы из народной повседневности, статьи — продукт деятельности духовенства, которое переводило устную речь в текст с неизбежным искажением «первоисточника», указывало собственное авторство, дополняло слова «рассказчиков» своими комментариями и цитатами из корпуса религиозных сочинений. Авторство делилось между «рассказчиком» (информатором) и «автором» опубликованного варианта (если обе роли не играло одно лицо — священник, засвидетельствовавший «чудо»). Часто «рассказчик» (информатор) происходил из народной (крестьянской) среды, в то время как автор-публикатор — из духовного сословия. По наблюдению Стрелковой [2011, с. 255], авторская позиция была «предельно близка к народному толкованию божьей воли»: «Возмездие, изображенное в рассказе, отражает собственно народное, наивное представление о Боге, как о некоей персонифицированной грозной силе, способной вредить, мстить за малейшее и случайное оскорбление».

Крайне редко в источнике можно увидеть расхождение между народной интерпретацией и взглядами священника. Например, мнение крестьян, связавших смерть повитухи с ее нежеланием прервать чаепитие во время грозы и с шутливой репликой в отношении иконы, вошло в противоречие с представлениями о мире более образованного пастыря. Его слова о том, что «у крестьян¹ считается грехом во время грозы „забавляться чайком“»², подразумевают, что иерей не включал себя в группу, в которой действовало данное правило и данное понимание греха (в то же время мысль-мораль о «недозволительности шуток в отношениях к Богу»³ представлена им как бесспорно верная).

По данным Комарова [2011, с. 99–100], состояние религиозной преступности в пореформенный и предреволюционный периоды оставалось относительно стабильным, с устойчивой тенденцией к постепенному росту; среди осужденных преобладали мужчины, причем если за святотатство осуждалась, как правило, молодежь, то за богохуление и кощунство — зрелые «мужики» и старики.

В нашей источниковой подборке 27 публикаций фиксируют 31 смерть-кару: 26 — мужчин, 5 — женщин; из них 30 — взрослые, 1 — ребенок четырех лет. Социальное

¹ Здесь и далее курсив наш — прим. А. А.

² Попов Ст., свящ. Вразумление свыше // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 810–812. С. 811.

³ Там же. С. 812.

положение умерших следующее: 23 — крестьяне, 6 — горожане, в остальных случаях точно не указано. Семеро (и восьмая фигура — девушка, перешедшая в раскол против воли) — старообрядцы.

Результаты и обсуждение

Классификация и анализ жанровых сюжетов

Имеющиеся истории-источники мы распределили по следующим группам:

- 1) истории о наказании православных христиан за неуважительное отношение к религиозным символам, за профанирование сакрального;
- 2) истории о наказании «свободомыслящих», атеистов за вызов, брошенный могуществу и самому существованию божества;
- 3) истории о наказании старообрядцев («раскольников») за выступления против православной веры и церкви;
- 4) истории о наказании за «предательство» Бога.

В основу классификации положена мотивация покаранных, главный движущий мотив их преступления: мы извлекаем его из той объяснительной схемы, которая использовалась церковными публицистами, понимая при этом, что «истинные» мотивы действующих лиц были куда более комплексными, социально обусловленными и несводимыми к предложенной в публикациях упрощенной и тенденциозной трактовке.

В первой категории выделим повествования¹ о наказании православных христиан за неуважительное отношение к религиозным символам, за профанирование — нередко без «злого умысла» — сакрального. Мысль о профанировании сакрального встречается у Смилянкой [2003, с. 203], обратившейся к труду французского историка А. Кабанту по истории богохульства конца XVI – середины XVIII в.: «Богохульство, не касаясь триумфальной автономии религиозного, становилось нередко нетерпимым вмешательством наиболее грубого профанного внутрь области священного». Эта мысль справедлива и для наших рассказов о каре Божьей, герои которых были умерщвлены за сведение священных объектов в плоскость повседневно-бытовую, на уровень земного, смешного, безопасного, допускающего «панибратское» отношение к себе.

В этой категории 4 рассказа посвящены возмездию за оскорбление икон. Как известно, понятие об образе, висящем в углу, отождествлялось православным крестьянством с понятием о самом Боге («Ён в углу») [Крюкова, 2010, с. 211]; «икона в православной... культуре не мыслилась как условное изображение, она осознавалась как „во плоти“ явленная божественная субстанция, а потому хула на Всевышнего и поругание иконы становились явлениями как бы одного порядка» [Смилянская, 2003, с. 218]. Смерть обрушилась на одного из безымянных хуторян (хутор Надеждинский, Оренбургская губерния), «без должного благоговения на телегах, с песнями» везших иконы

¹ 10 статей, в них 12 смертей.

из приходской церкви¹, и на 35-летнего крестьянина И. Гирса (село Заборье, Сенненского уезда, Могилевской губернии, конец 1910 г.), соблазнявшего односельчанина на «выпивку» в вечер субботы и поднесшего «первую рюмку... к иконе Спасителя, говоря: „Твой завтра праздник, на, выпей чарку. Ну, чего же смотришь, на, выпей“»². Смертельную травму получил купеческий рабочий (из крестьян) из г. Вязьмы: в компании товарищей-рабочих он играл на гармонике и плясал «пред окнами дома [богатого и благочестивого купца Сырельщикова], в котором стояла икона [Божьей Матери]», а на повеление хозяйки прекратить игру «легкомысленно отвечал: какую такую икону и за что я буду уважать, — и потом тут же начал усиленное играть и плясать»³. К историям про оскорбителей икон отнесем и рассказ священника С. Попова о «бабушке-повитухе» Агриппине Семеновне Мериновой (деревня Шевнина, Уржумского уезда, происшествие 26 мая 1900 г.). Во время грозы А. Меринова «взяла самовар со стола, поставила на лавку, подле себя, с левой стороны, и заметила при этом: „не хорошо в грозу самовар на столе“. А потом, подвинувшись в передний угол, под иконы, с шуткой уже добавила: „вот подвинусь под Бога, спасет меня Бог, а чайку-то все-таки попьем“»⁴.

Другой погибший — крестьянин Никифор, «трапезник» (сторож при храме) в селе Земляновском, Ишимского уезда, Тобольской епархии (1915 г.). На протяжении многих лет он воровал храмовое имущество и — последний проступок — украл «мочальные веревки»; в ответ на расспросы «наговорил батюшке дерзостей» и «кончил свое записательство божбой и клятвой, что не брал веревки»⁵: святотатство, оскорбление служителя церкви, ложная клятва именем Бога, уверенность в собственной безнаказанности на фоне неспособности священника привлечь сторожа к ответственности.

Как и трапезник Никифор, за нанесенную священнослужителю обиду был наказан смертью жены и собственным сумасшествием крестьянин Г. А. из села Ошлани, Нюльинского уезда, Вятской губернии: он «оскорбил о. протоиерея и покорил его тем, что он, будто-бы, недостаточно „уважает“ крестьян, а между тем, носит купленный на их деньги дорогой крест»⁶.

Почтения к себе требовали и мертвые: в селе Кочубеево, Каменецкого уезда, 11 июня 1891 г. в «третий час по полудни» некоторые крестьяне не пошли на кладбище «молиться со своим пастырем об упокоении усопших», а «проводили время в корчме, в веселой беседе и попойке»⁷, за что трое из них поплатились жизнями (двое мужчин и одна женщина, чья вина утяжелялась присутствием в корчме ее ребенка).

По убеждению священника А. Надеждина, 23 июля 1886 г. в селе Нижний Белоомут, Рязанской губернии за богохульство, нарушение поста (в среду) и соблазнение

¹ Божие наказание // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 450.

² Бог поругаем не бывает // Рязанские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 812.

³ Наказание Божье кощуннику... 1890. С. 243.

⁴ Попов. 1900. № 17. С. 810–812.

⁵ Т-ий А. Божие наказание // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 23. С. 326–328.

⁶ «Корреспондент Вятских...»... 1895. С. 737.

⁷ Грозное вразумление // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 5. С. 180–181.

к тому окружающих смерть была послана крестьянину Василию Феодоровичу Лазунову, 30 лет¹. В. Лазунов потребовал у жены местного дворника ветчины для себя и товарищей на покосе, а в ответ на напоминание о постном дне «сказал со смехом»: «Да где Бог то твой... нешто ты Его видела... Он и не увидит, как я наемся ветчинки-то. Это и вперед бывальшинка со мною»² (можно было бы записать его в «атеисты», но, вероятнее, имело место бытовое опрощение и опущение сакрального до предмета шутки, под влиянием опьянения и небрежного отношения к церковным догматам).

За похожее «легкомыслие и вольнодумство»³ отдал жизнь крестьянин И. П. Гуманцов, который «в Великую пятницу рано утром напился пьян и, придя в трактир, стал кощунствовать, выхваляясь своим безрассудным поступком: „Вот я обманул вашего отца Серафима-то“» (имел в виду нарушение обета трезвости, принесенного недавно умершему Серафиму, Саровскому чудотворцу)⁴.

За разнообразные «бытовые» прегрешения (пьянство, насилие над домочадцами, сожительство с тещей сына), «злой язык» и, наконец, намерение в праздник крещения молотить хлеб сторел заживо крестьянин 58 лет, Федор Вольхин (деревня Мышланова, Чингинская волость, Барнаульский уезд, Томской губернии, 5 января 1899 г.)⁵.

Таким образом, смертоносная Божья кара следовала за публично проявленное неуважение к религиозным ценностям — как материальным (иконам, церковному имуществу, самой церкви и ее служителям), так и нематериальным (догматам, посту, празднику, фигурам святых, мертвым предкам). Неуважение не всегда являлось злонамеренным, порой даже шутка — за содержащуюся в ней профанизацию священного — становилась предметом сурового осуждения. Ключевое сходство всех историй в этой категории богохульств — их действующие лица не боялись Бога, считали его бессильным, «прирученным» и не способным покарать за обиду.

Ко второй категории отнесем рассказы о наказании «безбожников»⁶ («отрицателей Бога»⁷, «атеистов»⁸, религиозных «нигилистов»⁹ и «циников»¹⁰), т. е. людей, отказавшихся от религиозной веры как таковой или выразивших сомнение в правдиво-

¹ Надеждин А., свящ. Вразумительный для богохульников перст Божий // Рязанские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 116–117.

² Там же.

³ Трофеев. 1912. С. 105.

⁴ Там же. С. 102, 105.

⁵ Ландышев. 1899. С. 29–31.

⁶ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678; Просто ли совпадения? // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 29–31. С. 281.

⁷ Чудеса в наши дни // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–20. С. 294–296.

⁸ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

⁹ Грозное вразумление. 1870. С. 469.

¹⁰ Вразумительное обстоятельство // Астраханские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 774.

сти центральных элементов церковного учения, причем во всех случаях их взгляды были явлены публично, в форме насмешки над Богом, прямого вызова его власти¹.

Две публикации посвящены одному и тому же событию: в июле 1917 г. в Старой Руссе, «в курзале-местечке, где собираются больные», на паперти старой часовни сорвавшейся с крюка иконой был убит «оратор-большевик», после того как «обратился к народу с митинговой речью... что не надо вести войну, что необходимо сокрушить буржуазию, капитализм, что не нужно духовенства, как вредный класс людей, и наконец... позволил себе отвергнуть бытие Бога и выразиться, что существует только природа, а Бога выдумали попы для своей корысти»². В более поздней публикации³ этот же эпизод представлен в расширенной редакции: в ответ на выкрик из толпы «да побойтесь же вы, наконец, Бога», он «закричал, что он никакого Бога не боится, ибо никакого Бога нет»⁴.

Похожий случай в 1913 г. вспомнил священник М. П.: внезапная гибель настигла «одного хулигана, отвергавшего бытие Божие и в доказательство своей безнаказанности распившего на св. Престоле полбутылку водки»⁵.

Наиболее радикальным проявлением богоборчества церковные публицисты считали физическое покушение на религиозные символы. В двух публикациях этой категории присутствует мотив стрельбы в иконы, и в одной — из пушки — в «Христа».

В этом контексте могут найти применение выводы М. Майзульса, проанализировавшего распространенный в источниках периода европейской Реформации сценарий, когда «иконоборец» покушается на изображение католического святого (но, в отличие от богохульников из церковной публицистики конца XIX – начала XX в., не на веру в бытие Бога), требуя «заговорить, дать отпор, спасти себя или закровоточить», чтобы «продемонстрировать окружающим (а то и себе самому?) бессилие истуканов»; это «потенциально многозначный жест», цели которого «колеблются между испытанием силы образа и ритуализированной демонстрацией его бессилия» [Майзульс, 2017, с. 36]. Иконоборцу, «чтобы решиться на физическую атаку против образа (который ты еще вчера почитал; который так почитают другие; который олицетворяет религиозный и политический порядок), требуется через осмеяние выдать из себя страх перед ним и/или перед грядущим насилием, которое отрезет путь назад» [Майзульс, 2017, с. 36].

Сходство сценариев мы находим, в частности, в истории о «современном безбожнике — Гушине» и его товарище из г. Бийска, Томской губернии⁶. Гушин «похвалился своим единомышленникам, что будет стрелять в икону Казанской Божией Матери,

¹ 8 публикаций, в них 8 случаев кары (и еще 1 статья, в которой смертельный исход четко не обозначен, но наиболее вероятен).

² Ильигорский И., свящ. Наказание смертью за богохульство // Тобольские епархиальные ведомости. 1917. № 32. С. 463–464.

³ Чудеса в наши дни. 1918. С. 294–296.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ Сюрприз за сюрпризом. 1913. С. 627.

⁶ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

находящуюся у ворот архиерейского дома и при этом с насмешкою сказал: „эту икону называют чудотворною, то пусть она и сотворит со мною чудо“¹: здесь присутствует и мотив осмеяния сакрального, и провокация — публично брошенное предположительно воплощенной в иконе божественной силе требование проявить себя, доказать свое бытие.

Другой покаранный Богом стрелок в икону — безымянный солдат, встреченный рассказчиком в поезде по возвращении с фронта: в вагоне этот солдат «отчаянно богохульствовал, при чем самодовольно с восхищением рассказывал, как он однажды стрелял в икону Божией Матери. „Что это за бог“, — глумился рассказчик — „коли крови нет“»².

Третья публикация с этим мотивом касается крестьянина Николая Картерьева Гуляева (рассказчик — священник Лунпов, в основу текста положен его рапорт Архиепископу Пермскому и Кунгурскому Андронику). Во время пасхальной заутрени 22 апреля 1918 г. он пришел в сельскую церковь, «где-то под лестницей на колокольне отыскал пушку» и решил выстрелить из нее перед колокольным звоном, объявив, что «при нынешней свободе никаких разрешений не надо», а когда в 12 ночи церковный сторож ударил в колокол, «Гуляев, не успевший зарядить своей пушки, выругался матерными словами и сказал, что будет стрелять тогда, когда пойдут вокруг церкви, и „подстрелит Христа“»³. Мотивация богохульника выражена нечетко: какую идейную подоплеку имел его выстрел из пушки? был ли он принципиальным атеистом — или бывшим солдатом, сочетавшим противомонархические настроения с противощерковными (что не исключало сохранявшихся религиозных элементов мышления)?

Подробное изложение получила в Тульских епархиальных ведомостях (с перепечаткой в Рязанских) история наказания крестьянина-атеиста Михаила Семенова Соколова из села Деделова 22 ноября 1909 г., записанная местным священником Михаилом Нектаровым⁴. Соколов охарактеризован приходским пастырем как радикальный, «воинствующий» атеист: «Будучи весьма начитан и напитан в духе „освободительного движения“, несчастный этот человек стал открыто глумиться над обрядами св. православной церкви, хулить св. крест, св. иконы, отвергать потребность молитвы к Богу и проч. <... > Пусть с иконы, говорил он, сойдет этот Спаситель и скажет мне, что надо молиться пред иконами, тогда я поверю, а сейчас я ничего подобного не признаю»⁵. Финал наступил в праздник Введения Пресв. Богородицы в храм, в воскресенье, когда М. Соколов на мельнице «обнаруживал особенное усердие к работе, желая, конечно, показать, что он не признает праздников и устава св. церкви»⁶. Хотя в крестьянской среде работа в воскресенье и церковные праздники считалась грехом [Бальжанова, 2006, с. 92–93], наказан он был

¹ Божие наказание. 1910. № 19. С. 678.

² Просто ли совпадения. 1918. С. 281.

³ Чудеса в наши дни. 1918. С. 294–295.

⁴ Нектаров Михаил, свящ. Божие наказание за глумление над святой верою и благочестием родной матери // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 273–274.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ Там же. С. 274.

не только за то, что вообще трудился в праздник (на мельнице присутствовали и другие работники: обычай трудиться на водяных мельницах даже в воскресные и праздничные дни существовал во многих селах [Бальжанова, 2006, с. 93]), но и за то, что делал это с демонстративной готовностью и «усердием», не желая «„сознательно“ работать в сии дни Господеви со страхом и трепетом»¹. Более того — герой наносил побои матери, образ которой может быть прочтен как образ церкви, долго терпевшей несправедное к ней отношение, но в итоге отвергшей грешника.

Виновны в насмешливо-ироничном отношении к религии и в отсутствии страха перед Богом, т. е. в уверенности в собственной безнаказанности, оказались жена высокопоставленного чиновника и еврей-коммерсант.

«Дама, жена значительного чиновника в Р.» (город, дата, имена действующих лиц не указаны), приглашенная на день ангела жены священника N., выразила неуважение к этому церковному празднику, отрицала бытие «Ангелов» и «дьяволов», вдобавок профанировала сакральное — Бога свела к образу своего сына: «Обнявши своего малютку, она имела дерзость сказать: „Об каком это говорят нам Боге? Вот мой бог“»². Ее поведение автор (можно предположить, что это оскорбленный хозяин дома, муж имениницы) объяснил «модным воспитанием в одном из лучших столичных заведений» и «болезнью нигилизма»³. Кроме того, он явно осудил ее за неуважение к авторитету священнослужителя: в доме священника, на празднике его жены «виновная» высказала пренебрежение к вере хозяев, «хвалилась своим неверием и кощунствовала»⁴. Созданный автором образ героини резко отрицателен и нацелен на то, чтобы вызвать у читателя неприязненное осуждение.

Другой носитель «светских нравов» — некий Т-р, «по происхождению еврей», «коммерсант, из ... сорта полуобразованных людей», на пути парохода между Енотаевском и Астраханью «с насмешкой отзывался о христианстве, отпускал разного рода шутки и остроты на религиозные темы, доводя цинизм свой до крайней степени», «кощунствовал и безобразничал»⁵.

Таким образом, особняком стоят рассказы про «безбожников», дерзающих предоставить аудитории доказательства небытия Бога (убедиться самим и убедить других, что можно безнаказанно выстрелить в икону, распить водку на престоле, по доброй воле выйти на работу в церковный праздник и пр.). В эту же категорию попадают сюжеты про образованных людей, закладывающих в слушателей семья сомнения в истинности церковных догматов.

¹ Нектаров Михаил, свящ. Божие наказание за глумление... 1910.

² Грозное вразумление // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 38. С. 469.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Вразумительное обстоятельство. 1898. С. 774.

К третьей категории рассказов о смерти — каре Божьей — отнесем повествования о старообрядцах («раскольниках»)¹: их богохульство было связано с инаковерием, демонстративным непризнанием догматов и святынь православной церкви. Источники отразили следующие деяния обреченных смерти раскольников:

1. Молодой извозчик, увидев на перекрестке дорог четырехконечный деревянный крест, «начал изрыгать всякие непотребные сквернословия, хулы и ругательства на крест и на изображенного на нем распятого господя», «начал стегать его со всех сторон и по лицу изображенного на нем Христа Спасителя, продолжая изрыгать ужасную хулу и ругательство», а потом вознамерился на крест помочиться (история отнесена рассказчиком к 1860-м гг., место действия — одна из стародубских слобод Калужской епархии)².
2. Крестьянин Степан Белопухов закричал на товарищей, приостановивших работу в поле из-за шествия молящихся с иконами: «что вы остановились и не работаете? медведя что-ли увидали?» — и «пал ниц, чтобы не видать св. икон» (около 1870 г., деревня Вновь-Скородумская, Тобольской епархии)³.
3. Крестьянка средних лет, Анфиса Миронова, в беседе с невесткой о возможности перехода мужа и сына к «никонианам» сказала: «Пускай дерет их лешак ... Как ты, а я в эту вавилонскую блудницу, изрыгающую свою мерзкую блевотину [Св. Причастие], ни за что не пойду; отсохни у меня руки и ноги, а я не перемену свою истинную веру на никонианскую»⁴ (1887 г., деревня Бердюгина, Ялуторовского округа, Тобольской епархии).
4. Матвей Савельев Фадеев, подрядчик, принуждал крестьян к работе в праздник местночтимого святого и «нашел повод поглумиться над их религиозным чувством: „Вот выдумали святого... да этот Артемий-то ваш тоже у Бога, что наш десятник в волости“. Непотребные хулы и ругательства следовали затем неудержимым потоком»⁵ (23 июня 1890 г., деревня Куимова, Прокуткинского прихода, Ишимского округа, Тобольской епархии).
5. Мещанин Павел Костин перед приведением к присяге на верность военной службе «громко сказал, что церковная присяга ересь и нельзя произносить „клянусь всемогущим Богом“. По окончании прочитанной священником новобранцам присяги, Костин, подойдя к аналогию, в котором был положен свя-

¹ 7 статей, 7 смертей.

² Дударев М. Смерть раскольника кресторугателя // Тобольские епархиальные ведомости. 1886. № 12. С. 215–220.

³ Унжакон Стефан, свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 3. С. 39–41.

⁴ Беллюсов К., свящ. Кара Господня над хулильницею церкви Божьей // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 23–24. С. 490–491.

⁵ Поникаровский Петр, свящ. Кара раскольника-хулильщика св. угодников Божьих // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 23–24. С. 528.

тый осьмиконечный крест, дерзко коснулся этого креста и вскрикнул: „какой это крест? На нем изображен не Иисус, а Ейсус. Это крест еретический, — я не чту его и целовать ни за что не стану“¹ (4 ноября 1891 г., Калуга).

6. Крестьянин Григорий Данилов Попов, лет 50, суконные хоругви обозвал «полотняными идолами»² (лето 1901 г., деревня Цепошникова прихода Заводо-Успенской церкви, Тобольская епархия).
7. Немолодой крестьянин Семен Еликов перед односельчанами «начал поносить православную церковь и веру, произносить пошлые и непристойные для человека, верующего во Христа, ругательства... Ругал самыми грязными словами архиереев, духовенство, церкви, не пощадил даже и самый образ Богородицы <... > „Это вы думаете“, говорил он, „и ждете, что вам наши косматые дьяволы — попы несут св. икону с Афона, несут ваши еретики вам картину самого сатаны“...»³ (1913 г., село Сивсковское, Ишимского уезда, Тобольской губернии).

Соответственно, смертью в источнике карались старообрядческие выступления против православного креста, икон, причастия, присяги, праздников, в целом — устава православной церкви.

Между прочим, подтверждается вывод Комарова [2011, с. 103], что во второй половине XIX – начале XX в. значительную часть богохульных и кощунственных деяний в крестьянской среде составляли оскорбления икон и св. угодников, изображенных на них (9 выступлений против икон и 1 против хоругвей зафиксированы нами в первых трех категориях).

К четвертой категории относятся сюжеты, повествующие о наказании за «предательство» Бога⁴. Грешники в этих историях были осуждены на смерть прежде всего за то, что в определенный момент предали своего сюзерена («царя» небесного), отступились от него, поставили свое благополучие выше христианского служения.

Протоиерей Н. Тихомиров, опираясь на ранее опубликованные путевые заметки бывшего епископа Томского Макария, привел историю молодой православной крестьянки, вышедшей замуж за раскольника и под влиянием «различных истязаний»⁵ решившейся перейти в раскол.

Сельский священник Вл. Трофеев в своем опыте антиалкогольной борьбы наблюдал «чудесную смерть» крестьянина, который после соблюдения двухлетнего обета трезвости вновь увлекся «вином» и принес благодарность «врагу Христа»: «спасибо

¹ Наказанное кощунство // Пермские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 108.

² Унжаков. 1904. С. 40.

³ Семенов Николай, свящ. Бог поругаем не бывает // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 171–173.

⁴ 4 публикации (2 содержательно идентичны, только напечатаны в номерах разных лет), в них — 3 случая «кары».

⁵ Тихомиров Николай, прот. Поучение в день собора св. Архистратига Михаила (8 ноября) // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 30. С. 642–644.

сатане, что он соблазнил меня на вино: как легко стало у меня на душе, а то как камень какой лежал!»¹.

Эта же категория включает публикацию священника В. Ягодина в Вестнике военного духовенства (впервые напечатана там в 1902 г., вторично — в 1904 г.)². Она призвана предостеречь мужчин, неохотно идущих на военную службу или уклоняющихся от нее: «такие люди, очевидно, не любят Царя и Россию, за то и Бог не любит их и карает таковых даже смертью, как противников Его воли»³. «Молодой парень села Б-ва, Тамбовской губ., Григорий Матвеев»⁴ в 1900 г. обратился к деревенской «ворожее», после чего стал жаловаться на здоровье; на медосмотре он был признан негодным к службе, обрадовался — и в тот же день скончался.

Таким образом, в этой категории мы видим троих религиозных преступников: молодую крестьянку, не вынесшую испытания семейным насилием и вынужденную перейти в раскол; крестьянина, публично принявшего сторону «сатаны» и «сатанинской ценности» — алкоголя; молодого крестьянина, не пожелавшего покинуть семейный очаг ради солдатской службы и заручившегося поддержкой деревенской колдуньи.

Заключение

Рассказы о наказании богохульников смертью в церковных журналах конца XIX – начала XX в. сочетали в себе жанровые элементы фольклора, авторской проповеди и новостного сообщения о недавнем занимательном происшествии. Они отражали актуальные для авторов проблемы (приоритет материальных ценностей над духовными; «нестойкость» в вере; особый характер народной веры — неторжественной, профанирующей сакральное; атеизм; старообрядчество). Предполагается, что в этих текстах священнослужители подхватывали народную интерпретацию «чуда» (внезапной, неестественной смерти, часто сопряженной с необычайными обстоятельствами) и усиливали ее в рамках жанрового рассказа с четкой моралью и назиданием. В то же время вопрос о народном восприятии богохульства (точнее — о народном неприятии его) требует специального рассмотрения. Священник Н. Тихомиров (Курганский уезд, Тобольской епархии) в публикации 1913 г. упрекнул жителей деревни И. за то, что перед лицом творимого односельчанами кощунства (несколько молодых мужчин, изобразив из себя священников, ходили по домам и распевали «неприличные стихи» перед иконами) «не нашлось ни одного человека, который бы возмутился таким явным богохульством, восстал на защиту попираемой веры, принял меры к укрощению безумцев», более того — «многим понравилось наглое издевательство... многие охотно принимали, даже

¹ Трофеев. 1912. С. 105.

² Наказание Божие за уклонение от военной службы // Вестник военного духовенства. 1902. № 22. С. 692–693; 1904. № 6. С. 185–186.

³ Там же. 1902. С. 692.

⁴ Там же. 1902. С. 693.

зазывали кощунствующих»¹. Притом грозил он прихожанам не гражданскими карами, а духовными последствиями греха.

Интересно, что во всех жанровых публикациях в роли судьи и карателя выступает Бог, а не гражданские власти, участие которых в делах о богохульстве либо никак не обозначено, либо незначительно и малоэффективно. Наиболее явное их присутствие отмечено в истории о старообрядце, нарушившем церемонию воинской присяги: «делано было распоряжение об его арестовании»². В другом случае священник пригрозил богохульнику уголовным наказанием, но понял, что не сможет осуществить угрозу: «товарищи богохульника» «в один голос» сказали — «что он сказал преступного?! Он ничего не говорил!», а свидетелей рядом не было³.

В качестве **направлений дальнейших исследований** обозначим следующие:

1. Расширить круг источников, чтобы:
 - сопоставить эту тематическую подборку с другими категориями рассказов о чудесах из церковной печати: историями о чудесном исцелении, избавлении от смерти или иной опасности, раскаянии грешников на фоне чуда, выделяя общие и специфические черты категорий;
 - сравнить церковные публикации с этнографическими (историями, собранными в народной среде без последующей переработки в нравоучительный церковный текст), чтобы более четко разграничить пастырские интерпретации и элементы народной веры и оценить распространенность и мотивы богохульства в народной среде;
 - выявить следы веры в божественную кару как причину смерти в источниках иного круга — например, эго-документах (дневниках, мемуарах, письмах) духовенства, светской интеллигенции.
2. Вынести следующие вопросы в фокус исследования:
 - В зависимости от каких факторов чудо (смерть) признавалось таковым или отвергалось как недостоверная выдумка?
 - В каких формах выражался скептицизм со стороны духовенства (в частности, его наиболее образованной прослойки) в отношении подобных «быличек»?
 - Как в сознании авторов и читателей разграничивались «реальность» (достоверно действующие в повседневности силы) и «литература» (печатный текст, творчески переработанная история, поучительная выдумка)? В какую категорию (реальное/условное-литературное) попадал Бог-каратель в картине мира разных частей российского общества? И как этот образ был встроен в общую

¹ Тихомиров Николай, свящ. Поучение по поводу кощунственной выходки деревенской молодежи // Тобольские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 219–222.

² Наказанное кощунство. 1892. С. 108.

³ Сюрприз за сюрпризом. 1913. С. 627.

систему представлений о божественном, включавшую в себя и образ Бога милосердного?

3. Сместить угол рассмотрения источника с темы религиозного преступления на тему смерти (способы ее изображения и функции, жанровые клише) и на эмоциональную сферу источника (эмоции богохульников, их окружения, автора-священнослужителя, подразумевавшейся читательской аудитории).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бальжанова Е. С. 2006. Понятие о грехе и преступлении у крестьян Среднего Урала (XIX – начало XX вв.) // Горнозаводской Урал в XVIII – начале XX в.: проблемы социокультурной истории: Сборник научных статей. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 85–104.
- Буйских Ю. 2014. «Кара Божья» и «Чудо Господнее» в рассказах об осквернении святынь в текстах современной украинской крестьянской традиции // Acta Baltico-Slavica. No. 38. S. 263–278.
- Дранникова Н. В. 2020. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // Традиционная культура. Том 21. № 2. С. 91–102. <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.2.008>
- Иванова И. Е. 2015. Нарративы о христианских чудесах в «Тверских Епархиальных ведомостях» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. № 1. С. 196–202.
- Комаров Д. А. 2011. Преступники «против веры»? Религиозные преступления в крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. № 3. С. 96–107.
- Крюкова С. С. 2010. Православные святыни, святость и святотатство в крестьянском правосудии (вторая половина XIX в.) // Святыни и Святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / ИЭА РАН; отв. ред. и сост.: О. В. Кириченко. М.: Наука. С. 207–240.
- Липатова А. П. 2010. К вопросу о формировании жанра легенды // Фольклор: текст и контекст: Сборник статей / Гос. республ. центр рус. фольклора. М.: Роскультпроект. С. 178–196.
- Майзульс М. 2017. Наказание святых: благочестивое богохульство в Средние века и в раннее Новое время // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Том 35. № 2. С. 15–51.
- Малахова А. С., Малахов С. Н. 2014. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII в.). Армавир: Дизайн-студия Б. 298 с.
- Медведь А. Н. 2017. Болезнь и больные в Древней Руси: от рудомета до дохтура. Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Издательство Олега Абышко. 288 с.
- Пелезнева Н. А. 2022. Болезнь как пространство коммуникации человека и Бога в восприятии древнерусского Книжника XI–XIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. № 105. С. 11–30. <https://doi.org/10.15382/sturII2022105.11-30>

- Смилянская Е. Б. 2003. Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик. 462 с.
- Сморжевских-Смирнова М. А. 2001. Болезнь и смерть грешника: средневековые образцы в сказании Авраамия Палицына // Русская филология. 12: сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета. С. 29–35. https://www.smorzhevskihh.com/Public/Bolezn_i_smert_greshnika.html (дата обращения: 12.12.2024).
- Стрелкова О. С. 2011. Жанр рассказа о чудесах на страницах Курской духовной периодики XIX – начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 6 (44). С. 253–259.
- Шеваренкова Ю. М. 2003. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. № 1. С. 52–57.
- Штырков С. А. 2001. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. Вып. 1: Фольклористика. С. 198–210.
- Юрчук Л. А., Казаков И. В. 2018. Псковские легенды о наказании за разрушение храмов // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23–25 мая 2018 года. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. С. 88–91.

References

- Bal'zhanova, E. S. (2006). Ponyatie o grekhe i prestuplenii u krest'yan Srednego Urala (XIX – nachalo XX vv.) [The concept of sin and crime among the peasants of the Middle Urals (XIX–early XX c.).] In *Gornozavodskoy Ural v XVIII – nachale XX v.: problemy sotsiokul'turnoy istorii: Sbornik nauchnykh statey* [Gornozavodskoy Ural in the 18th–20th c.: Problems of Socio-Cultural History] (pp. 85–104). Bank kul'turnoy informatsii. [In Russian]
- Buyskikh, Yu. (2014). “Kara Bozh'ya” i «Chudo Gospodnee» v rasskazakh ob oskvernenii svyatyn' v tekstakh sovremennoy ukrainskoy krest'yanskoy traditsii [“Divine Punishment” and “Miracle of the Lord” in stories about the desecration of shrines in the texts of modern Ukrainian peasant tradition]. *Acta Baltico-Slavica*, (38), 263–278. [In Russian]
- Drannikova, N. V. (2020). Razrushenie pravoslavnykh tserkvey i kul'tovykh sooruzheniy v povestvovatel'noy traditsii Arkhangel'skoy oblasti [Destruction of Orthodox churches and religious buildings in the narrative tradition of the Arkhangelsk Region]. *Traditsionnaya kul'tura*, 21(2), 91–102. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.008> [In Russian]
- Ivanova, I. E. (2015). Narrativy o khristianskikh chudesakh v “Tverskikh Eparkhial'nykh vedomostyakh” [Narratives on Christian miracles in *Tverskiye Eparkhial'nykh Vedomosti*]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, (1), 196–202. [In Russian]
- Komarov, D. A. (2011). Prestupniki “protiv very”? Religioznye prestupleniya v krest'yanskoy srede (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Breachers “of faith”? Religious crimes in the peasant environment (late 19th–early 20th c.).] *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (3), 96–107. [In Russian]

- Kryukova, S. S. (2010). Pravoslavnye svyatyani, svyatost' i svyatotatstvo v krest'yanskom pravosudii (vtoraya polovina XIX v.) [Orthodox shrines, sanctity and sacrilege in peasant justice (late 19th c.). In O. V. Kirichenko (Ed.), *Svyatyani i Svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and Sacrality in the life of the Russian People: An Ethnographic Study] (pp. 207–240). Nauka. [In Russian]
- Lipatova, A. P. (2010). K voprosu o formirovanii zhanra legendy [To the question of the formation of the legend genre]. In *Fol'klor: tekst i kontekst* [Folklore: Text and Context] (pp. 178–196). Tsentr kul'turnykh strategiy i proektnogo upravleniya. [In Russian]
- Mayzul's, M. (2017). Nakazanie svyatykh: blagochestivoe bogokhul'stvo v Srednie veka i v rannee Novoe vremya [Punishment of the saints: pious blasphemy in the Middle Ages and early Modern times]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 35(2), 15–51. [In Russian]
- Malakhova, A. S., & Malakhov, S. N. (2014). Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoy zhizni cheloveka Drevney Rusi (XI – nachalo XVII v.) [The Phenomenon of Illness in the Consciousness and Daily Life of a Man in Ancient Russia (11th–early 17th c.)]. Dizayn-studiya B. [In Russian]
- Medved', A. N. (2017). Bolezni' i bol'nye v Drevney Rusi: ot rudometa do dokhtura. Vzglyad s pozitsiy istoricheskoy antropologii [Illness and the Sick in Ancient Russia: From Rudomet to Dokhtur. A Historical Anthropological View]. Izdatel'stvo Olega Abyshko. [In Russian]
- Pelezneva, N. A. (2022). Bolezni' kak prostranstvo kommunikatsii cheloveka i Boga v vospriyatii drevnerusskogo Knizhnika XI–XIII vv. [Disease as a space of communication between man and god in the perception of the Old Russian Knizhnik in 11th–13th c.]. *Vestnik Pravoslavnoy Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, (105), 11–30. <https://doi.org/10.15382/sturI2022105.11-30> [In Russian]
- Smilyanskaya, E. B. (2003). *Vol'shebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki: Narodnaya religioznost' i "dukhovnye prestupleniya" v Rossii XVIII v.* [Magicians. Blasphemers. Heretics: Popular Religiosity and "Spiritual Crimes" in Russia in the 18th c.]. Indrik. [In Russian]
- Smorzhevskikh-Smirnova, M. A. (2001). Bolezni' i smert' greshnika: srednevekove obrazy v skazanii Avraamiya Palitsyna [Sickness and death of a sinner: medieval samples in the Tale of Abrahamiy Palitsyn]. In T. Freiman & O. Palikova (Eds.), *Russkaya filologiya. 12: sobranie nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology. 12: Collected Research Works of Young Philologists] (pp. 29–35). Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. Retrieved Dec. 12, 2024, from https://www.smorzhevskikh.com/Public/Bolezni_i_smert_greshnika.html
- Strelkova, O. S. (2011). Zhanr rasskaza o chudesakh na stranitsakh Kurskoy dukhovnoy periodiki XIX – nachala XX vv. [Genre of the story of miracles on the pages of Kursk spiritual periodicals of the 19th–early 20th c.]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (6), 253–259. [In Russian]
- Shevarenkova, Yu. M. (2003). Legendy-bylichki kak zhanrovaya raznovidnost' fol'klornoy legendy [Legendy-bylichki as a genre variety of folklore legend]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*, 1, 52–57. [In Russian]
- Shtyrkov, S. A. (2001). Nakazanie svyatotattsev: fol'klorny motiv i narrativnaya shema [Punishment of the sacrilegious: folklore motif and narrative scheme]. *Trudy fakul'teta etnologii*.

Vyp. 1: Fol'kloristika [Proceedings of the Faculty of Ethnology. Vol. 1: Folkloristics] (pp. 198–210). Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge. [In Russian]

Yurchuk, L. A., & Kazakov, I. V. (May 23–25, 2018). Pskovskie legendy o nakazanii za razrushenie khramov [Pskov legends about punishment for the destruction of temples]. In *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie: Proceedings of the International Symposium "XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya"* (pp. 88–91). [In Russian]

Информация об авторе

Анна Андреевна Бушуева, преподаватель-исследователь, ассистент кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, Курган, Россия
anna_b2022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Information about the author

Anna A. Bushuyeva, Lecturer-Researcher, Assistant, Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan, Russia
anna_b2022@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>